

УДК 343.985:001.102

ОПЕРИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИЕЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Михайлов М.А.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина

В статье рассматриваются задачи совершенствования криминалистической тактики в связи с переходом к состязательному уголовному процессу. Предлагается с новых позиций рассмотреть деятельность следователя по защите собранной информации, ее трансформированию и тактике разглашения. Внедрение охватывающего эти процедуры понятия «оперирование информацией» поможет рассмотреть проблему комплексно и разработать рекомендации для практиков с учетом отечественного и зарубежного опыта.

Ключевые слова: оперирование информацией, охрана следственной тайны, общение следователя и СМИ, состязательный уголовный процесс, дезинформация и обман в криминалистической тактике.

Реформирование уголовного-процессуального законодательства Украины, переход от розыскного процесса к состязательному, ставит новые задачи, как перед процессуальной теорией, так и перед криминалистической практикой. Стремление к полному уравниванию прав и возможностей сторон обвинения и защиты, изменение порядка проведения традиционных следственных действий, а также появление такого мощного и, требующего повышенной осторожности инструмента получения доказательств, как негласные следственные действия, требуют совершенствования криминалистической тактики.

Одним из важных направлений этой работы, на наш взгляд, является разработка новых рекомендаций по обращению с информацией, оказавшейся в распоряжении следователя в процессе уголовного производства и ее использованию. Безусловно, активно работающий следователь, является основным получателем и собирателем сведений о преступлении, и лицах, оказавшихся в той или иной степени причастными к этому событию. Речь идет не только о доказательственной информации, но и о данных, характеризующих тех или иных фигурантов, те или иные структуры или иных сведениях, по тем или иным причинам охраняемых от распространения.

Тактическое противостояние требует от следователя охватывать понятием тайны следствия определенную информацию или наоборот, допускать утечку сведений, в том числе и через СМИ, чтобы добиться внезапности или иного превосходства перед своими оппонентами. Новый Уголовный процессуальный кодекс Украины дает возможность по-иному взглянуть на использование следователем обмана и дезинформации, делает первоочередным мотив сохранения тайны личных данных источников конфиденциальной информации, в условиях, когда перед судом сторо-

ны обязаны ознакомить друг друга с добытыми ими доказательствами и средствами их получения.

Отдельные аспекты обеспечения тайны следствия, использования фактора внезапности, допустимости обмана и дезинформации в расследовании преступлений затронуты в работах ученых криминалистов Бахина В.П., Белкина Р.С., Берназа В.Д., Бертовского Л.В., Бертовской Н.Л., Дунаева М.С., Китаева Н.Н., Короля В.В., Кузьмичева В.С., Лисогора В.Г., Лукьянчикова Е.Д., Маслова А.Е., Образцова В.А., Смольковой И.В., Тимошенко А.А., Шехавцова Р.Н. С позиций перехода к состязательному уголовному процессу эти проблемы еще не освещались.

Процессы обращения с информацией, полученной следователем, с точки зрения криминалистической тактики требуют комплексного изучения и выработки практических рекомендаций по ее охране, трансформации и разглашению.

На наш взгляд, вышеуказанные процедуры охватываются понятием «оперирование информацией». Сами термины «операция» и «оперировать» соответственно определяются как «отдельное действие в ряду других подобных» и «совершать какие-либо операции, действовать, или пользоваться при выводах, доказательствах» [1, с.365]. Процессы получения информации следователем являлись объектом изучения многих ученых и практиков уголовного процесса и криминалистики. А вот техники оперирования информацией в целом, на наш взгляд, комплексно рассматривала лишь теория оперативно-разыскной деятельности с присущей ей секретностью.

В настоящее время, когда следователь получил те же полномочия, что и оперативный работник в возможности использования негласных методов при расследовании преступлений, проблема охраны, трансформации и разглашения данных следствия приобретает повышенную значимость.

Необходимость использования негласных путей получения доказательственной информации назрела еще в ходе всплеска уровня преступности 90-х годов. Высокая степень противодействия расследованию, запугивание и подкуп участников уголовного процесса, осведомленность в методах ведения следствия, значительные финансовые, а значит, и коррупционные возможности преступников сделали малоэффективными традиционные средства и методы получения доказательств. Законодатель пошел в направлении придания доказательственного значения результатам оперативно-разыскной деятельности [2, с.187]. Ожидалось, что эта тенденция получит дальнейшее развитие. Однако УПК 2012 г. предложил другой, более демократичный путь реализации доказательственных возможностей негласных методов. Следователю было предоставлено право не только давать конкретные поручения оперативным работникам по использованию негласных методов, но и самому проводить негласные следственные действия. Демократичность такого пути заключается в том, что эта деятельность осуществляется под строгим судебным контролем в лице воссозданного корпуса следственных судей, а сущность негласных следственных действий изложена и регламентируется УПК, в отличие от оперативно-разыскных мероприятий, содержание, формы и методы, которых составляют государственную тайну. Однако средства и методы получения доказательств должны быть достаточно прозрачными, чтобы эти доказательства могли быть учтены судом.

В то же время сама тактика проведения гласных и негласных следственных действий не должна быть подвергнута строгой правовой регламентации. Естественно, что должны быть запреты на действия, противоречащие принципам объективности,

безопасности, соблюдению прав человека и т.п. Так, например, ч.1 ст.229 УПК 2012 г. запрещает «предварительно показывать опознающему лицу вещь, которая должна быть предъявлена для опознания, и предоставлять другие сведения о ее приметах», а в ч.3 ст. 271 УПК 2012 содержится прямой запрет на провокацию и подстрекательство в ходе подготовки и проведения мероприятий по контролю за совершением преступления.

В целом же должно действовать правило «разрешено все, что не запрещено законом и ему не противоречит» [3,с.103]. Попытка дать в законе исчерпывающий перечень разрешенных тактических приемов, комбинаций и операций уже предпринималась апологетами «бесконфликтного следствия» и была отвергнута еще в конце прошлого века [4,с.151]. Такие шаги могут лишь уничтожить творческие начала в следственной тактике и сделать ее малопродуктивной, а то и вовсе бесполезной. В УПК 2012 года также отмечены попытки ужесточения регламентации следственных действий, а безапелляционность некоторых норм этого Закона просто настораживает. Например, ч. 5 ст.271 прямо указывает на то, что «Порядок и тактика проведения контролируемой поставки, контролируемой и оперативной закупки, специального следственного эксперимента, имитации обстановки преступления определяется законодательством».

А Инструкция «Об организации проведения негласных следственных (розыскных) действий и использование их результатов в уголовном производстве», принятая силовыми ведомствами и утвержденная Генеральным прокурором Украины, уже регламентирует не только тактику, но и «методику отдельных следственных действий»: «1.16. Порядок, тактика и методика проведения отдельных негласных следственных (розыскных) действий, взаимодействие уполномоченных оперативных подразделений, которые выполняют поручения следователя, прокурора на их проведение, с лицами (подразделениями), привлекаемых к проведению таких действий, регулируются отдельным нормативно-правовым актом органов, в составе которых находятся уполномоченные оперативные подразделения». Такие, казалось бы незначительные шаги могут привести к опасной практике распространения их в других подзаконных актах, и к попытке тотального вмешательства в следственную тактику.

Оперирование информацией предполагает не только определение механизмов ее сокрытия и разглашения, но и особенностей трансформации имеющихся сведений в тактических целях. В отличие от прежнего УПК 1960 года, где даже не упоминается о допустимости обмана или дезинформации, в новом Законе необходимость этих методов признана.

Заимствование у ОРД ее методов, их легализация и использование для получения доказательственной информации, не могут быть осуществлены без присущих этой сфере конспирации и легендирования. Законодательное закрепление методов дезинформации и «зашифровки» проявилось еще в 1993 году в Законе «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве», что позволило изменять личные данные лиц в целях обеспечения их безопасности [5,с. 51.].

При подготовке Нового УПК законодатель не стал прислушиваться к многолетним дискуссиям о запрете обмана в следственной тактике, о допустимости или неприемлемости дезинформации, и о нравственных началах следственной деятельности.[3,6]. Сегодня обман и дезинформация прямо предусмотрены в УПК. Приме-

рами этому могут служить имитирование обстановки преступления (ч.1 с.271 УПК 2012), использование специально изготовленных или создание так называемых не настоящих (имитационных) средств, в том числе вещей и документов, а также предприятий, учреждений и организаций (ч.1 ст.273 УПК 2012) и обеспечение проведения других негласных следственных действий.

Это плата за введение в арсенал следственных действий методов негласной работы. Действительно невозможно себе представить успешное проведение, например, такого негласного следственного действия как выполнение специального задания (ст. 272 УПК 2012) без использования дезинформации.

Традиционно следственная деятельность была сопряжена с необходимостью защиты следственной тайны. Тактическое противодействие и обеспечение внезапности невозможно без охраны целого круга сведений, включающих объем и содержание полученной информации, намерения по ее использованию, планы расследования в целом и т.п. [7].

В связи с введением института негласных следственных действий повышается актуальность сохранения сведений о личности граждан, конфиденциально сотрудничающих со следствием, участвующих в проведении негласных следственных действий. Представляется оправданным придание грифа секретности всем документам, содержащим результаты негласных следственных действий и строгая регламентация порядка рассекречивания части этих сведений, для их использования в доказывании и для передачи стороне защиты. Думается, что при внедрении в практику следственной деятельности методов негласной работы, следует использовать богатый многолетний опыт оперативных подразделений. Конечно, этот опыт должен быть преломлен сквозь повышенные требования к ответственности за содержание результатов, к строгому соблюдению правовых норм и даже к аккуратности в оформлении документов. В решении общих задач следователи и оперативные работники должны преодолеть корпоративные амбиции для достижения целей уголовного производства.

В ходе расследования следователю может стать известной и информация, не имеющая прямого отношения к доказыванию, но разглашение которой, способно причинить значительный вред интересам личности, государства или отдельным предприятиям и организациям. Это обстоятельство стало причиной запрета на привлечение к негласному сотрудничеству адвокатов, нотариусов, журналистов, медработников, священнослужителей, если это может быть связано с разглашением их профессиональной тайны (ст. 275 УПК 2012). Особо следует отметить прикосновенность следователя в силу своих служебных обязанностей к информации, составляющую тайну частной жизни. УПК 2012 (ст.15) запрещает собирать, хранить и использовать информацию о частной жизни лица без его согласия, кроме случаев, предусмотренных Законом. Запрещено использовать эту информацию иначе как для выполнения задач уголовного судопроизводства. Нарушение этих требований может повлечь уголовную ответственность.

Однако существует ли исчерпывающий перечень сведений, составляющих тайну личной жизни, и где границы использования таких сведений в интересах уголовного производства и вне них? Ведь в отличие от прерогативы следователя определять круг сведений, составляющих тайну следствия, объем тайны частной жизни определяется самим лицом, и всегда ли представления об этом совпадают у частного лица

и следователя, вынужденно вторгающегося в его мир. Мы уже пытались классифицировать данные, которые люди оберегают от огласки. Это более десяти направлений, охватывающих широкий спектр сведений: от данных об усыновлении, до неавторитетного статуса лица в прошлом или совершения им неэтичных поступков [8]. Наверное, подозреваемый и его защита могут и злоупотребить правом определять круг сведений, составляющих тайну частной жизни и требовать их неразглашения.

Немаловажной составляющей процесса оперирования информацией является и техника ее разглашения и распространения. Мы уже упоминали выше о введении строгой регламентации процедуры рассекречивания в целях уголовного производства результатов негласных следственных действий и данных, полученных конфиденциально. Выполнение этой задачи сопряжено с риском подвергнуть опасности репутацию, здоровье и даже жизнь, лиц, принимавших участие в расследовании. Полное обеспечение их безопасности требует не только безукоризненного информационного обеспечения в материалах уголовного производства, но и порою значительных материальных затрат на изменение личных данных, а возможно даже внешности и места жительства.

Оперирование информацией путем ее оглашения и распространения предполагает и такой аспект, как использование СМИ в интересах расследования. Принято считать, что сторона обвинения в уголовном процессе пока еще превалирует над стороной защиты в своих правах и возможностях. Однако в деле использования СМИ для достижения своих целей по уголовному производству наблюдается обратная картина. Адвокаты-защитники гораздо чаще, шире и, не стесняясь в выражениях, чем прокуроры используют журналистов для доведения общественному мнению собственной точки зрения, а выступление в СМИ прокурора или следователя по конкретному расследованию - исключительное событие. Думается, что следователь, в отличие от адвоката в меньшей степени обладает навыками общения с публикой, но для прокурора, имеющего такую практику, это недопустимо. В следственных аппаратах МВД вообще действительность такова, что только представитель Центра общественных связей, способен и имеет право общаться с прессой.

Мы не призываем попирать презумпцию невиновности и предвосхищать решение суда, но существующие положение можно расценивать не иначе как проигрыш в своеобразной «информационной войне», когда общественное мнение формируется однобоко в ущерб авторитету не только правоохранительных органов, но и государства и власти. А в этой ситуации непросто ожидать и объективных решений по делу в целом. Еще более ста лет назад Г.Гросс писал: «...в обществе, благодаря газетным известиям, складываются совершенно определенные взгляды на событие и степень виновности в нем заподозренного, так, что приговор о нем общественного мнения сложился гораздо ранее, нежели он произнесен надлежащим судом. И если этот приговор суда окажется несогласным с неправильно сложившимся убеждением публики (которая даже во время заседания позволяет себе выражать свое мнение), то приговор подвергается резкому осуждению. А в какой степени вредно все, что подрывает доверие к суду, говорить не приходится» [9, с.341].

Как-то незаметно журналисты и СМИ превратились из союзников следователя, в его оппонентов. Многие следователи и руководители следственных подразделений опасаются стать жертвой «грязных» журналистских приемов, неловко чувству-

ют себя пред микрофоном или видеокамерой и стараются перепоручить пресс-офицерам общение с прессой. Все это приводит к тому, что возможности использования СМИ в тактических целях сводятся к минимуму, оставляя Центрам общественных связей правоохранительных органов выступать в прессе лишь с представительскими целями. Анализ сайтов отечественных правоохранительных органов показывает, что возможности сети Интернет с тактических позиций также почти не используются [10].

Необходимо изменить ситуацию и профессионально использовать как потенциал СМИ, так и сети Интернет для решения, в частности, тактических задач расследования. Подготовка следователя требует дополнения занятиями по технике и тактике общения с журналистами, противодействию их недобросовестным приемам и привлечению на свою сторону для достижения целей расследования.

Состязательный уголовный процесс предполагает противостояние сторон обвинения и защиты, своеобразное соревнование в поиске доказательств вины и невиновности, использование при этом разного рода, приемов и комбинаций. Даже законное противодействие расследованию может причинить большой вред делу поиска истины. В период досудебного расследования и предполагается наиболее активное оперирование информацией с той и с другой стороны. Думается, что навыки этой деятельности придут с опытом, но нет оснований игнорировать наработки правоохранителей стран, где состязательный уголовный процесс действует уже в течении многих лет. С учетом национальных особенностей он должен быть изучен и адаптирован к нашим условиям.

Конечно же, и сторона защиты вправе на разработку собственной тактики. Однако, мы разделяем позицию тех криминалистов, которые считают, что эти вопросы лежат за пределами предмета науки криминалистики и если нуждаются в разработке, то в рамках другого (может быть специально для этого и созданного) направления юридической деятельности.

В заключении следует сделать вывод о том, что вступление в силу УПК 2012 года сделало необратимым переход нашей страны к состязательному уголовному процессу, что ставит новые задачи перед криминалистической тактикой. Изучение процессов обращения с информацией, поступившей в распоряжение следователя, требует комплексного подхода и разработки техник и приемов ее охраны, трансформации и разглашения. Практика ждет конкретных рекомендаций по оперированию информацией в процессе расследования, для уменьшения количества ошибок, неэффективных решений, и что самое главное ущерба от этих действий. Следует на диссертационном уровне изучить различные аспекты этой деятельности, прогнозировать как положительные, так и отрицательные последствия перехода к состязательному правосудию и предложить следователям конкретные пути решения встающих перед ними задач, выработанных с учетом отечественного и зарубежного следственного опыта, практики оперативно-разыскной деятельности, постоянного мониторинга адвокатских стратегий и приемов.

Список использованных источников:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 19-е изд. – М. : Рус. яз., 1987. – 750 с.
2. Закон України «Про внесення змін до Кримінально-процесуального кодексу України» від 21 червня 2001 року N 2533-III Від. ВР України. –2001. – №34–35.
3. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА • М), 2001. — 240 с.

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т.3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р.С. Белкин. – М.: Юристъ, 1997. – 480 с.
5. Закон України “Про забезпечення безпеки осіб, які беруть участь у кримінальному судочинстві” // Відомості Верховної Ради України. – 1994. – № 11. – Ст. 51.
6. Бахин В.П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962-2002) / В. П. Бахин. – Киев, 2002. – 268с.
7. Бахин В.П. Тактика использования внезапности в раскрытии преступлений органами внутренних дел: учеб. пособие / Бахин В.П., Кузьмичев В.С., Лукьянчиков Е.Д.. – К.: НИ и РИО КВШ МВД СССР, 1990. – 56 с.
8. Михайлов М.А. Соотношение гласного и конфиденциального в данных досудебного следствия / М.А. Михайлов // Проблемы криминалистики: Сб. науч. тр. / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Г.Н. Мухин. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. Вып. 3. – С. 90 – 96.
9. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М.: ЛексЭст; 2002. – 1088 с.
10. Михайлов М.А. Электронные ресурсы правоохранительных органов в сети Интернет // Законодательство и практика: Сб. науч. тр. – Омск: Вып.1 (20), 2008. – С. 51-53.

Михайлов М.А. Оперування інформацією в ході розслідування злочинів: Постановка проблеми / М. А. Михайлов // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2013. – Т. 26 (65). № 1. – С. 248-254.

У статті розглядаються завдання вдосконалення криміналістичної тактики у зв'язку з переходом до змагальності кримінального процесу. Пропонується з нових позицій розглянути діяльність слідчого по захиті зібраної інформації, її трансформування і тактиці розголошення. Впровадження охоплює ці процедури поняття «оперування інформацією» допоможе розглянути проблему комплексно і розробити рекомендації для практиків з урахуванням вітчизняного та зарубіжного досвіду.

Ключові слова: оперування інформацією, охорона слідчої таємниці, спілкування слідчого і ЗМІ, змагальний кримінальний процес, дезінформація і обман в криміналістичній тактиці.

Mikhailov A.M. Handling the information during the investigation. Setting the issue / A.M. Mikhailov // Scientific Notes of Tavrida National V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2013. – Vol. 26 (65). № 1. – P. 248-254.

The article deals with the problem of improving criminalistic tactics in connection with the transition to the adversarial criminal trial. A new start to review the activities of the investigator for the protection of the collected information is offered, its transformation and disclosure tactics.

Introduction of procedures covering the concept of "handling the information" will help to address this issue comprehensively and develop recommendations for practitioners with the national and international experience.

Keywords: information handling, security investigative privacy, communication and media investigators, adversarial criminal trial, disinformation and deception in forensic tactics.